

Содержание

ISSN 2587-8190

Ольга Балакерская. Поэма И. Ф. Богдановича «Душенька»: К проблеме формирования диалога с читателем во второй половине XVIII века.....	119
Илья Виноцкий. «Луизиада» В. А. Жуковского: Из истории одного молитвенника.....	139
Анна Грачева. Вельтман или Достоевский? Стилометрический анализ нескольких романов XIX века.....	168
Оксана Воробьева. «Кушелева, например, надувают безбожнейшим образом»: Гипотеза к одной фразе.....	178
Екатерина Колеватова. Количественный анализ и перспективы изучения русской драмы XIX века (на материале пьес 1870-х годов).....	187
Софья Боленко. Основные мотивы сборника Н. А. Некрасова «Последние песни».....	201
Ольга Макаревич. «Такое умное и характерное лицо не может всем одинаково нравиться...»: Неизвестный отзыв Н. С. Лескова на книгу о митрополите Макарии (Булгакове).....	214
Андрей Люстров. Светотень Андрея Белого: Две статьи о сборнике Ф. Сологуба «Истлевающие личины».....	230
Александра Чабан. Почему Андрей Белый стал «варваром»: К вопросу о рецензии Н. С. Гумилева на книгу стихов «Урна».....	240
Павел Степанов. Путешествия иностранцев с Запада в «чудесную страну»: К вопросу о контексте появления сюжета в детской иллюстрированной книге 1920–1930-х годов.....	265
Александр Кобринский. К проблеме комментирования записных книжек Даниила Хармса.....	284
Виктор Димитриев. Подросток Вадим Масленников: О полемике с Ф. М. Достоевским в «Романе с кокаином» М. Агеева.....	295
Андрей Кокорин. Новые материалы к творческой истории прозы Ю. К. Олеси.....	311

Тираж 500 экз.

Редакция:

А. Ю. Балакин, Е. А. Глуховская,
А. А. Кобринский (главный редактор),
О. В. Макаревич, А. С. Пахомова, А. А. Чабан

Адрес редакции:

191036, Санкт-Петербург, 1-я Советская ул., д. 10, лит. К.
Тел. (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru

2018 XIV (2-3)

Летняя школа по русской литературе

ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

2018 (2-3)

**международная летняя школа
по русской литературе**

Выходит 4 раза в год

Редакционный совет:

Проф. А. А. Кобринский (Санкт-Петербург, Россия), председатель

К. ф. н. А. Ю. Балакин (Санкт-Петербург, Россия)

Проф. И. Ю. Виноцкий (Принстон, США)

Проф. А. А. Долинин (Мэдисон, США)

Проф. А. К. Жолковский (Лос-Анджелес, США)

Проф. О. А. Лекманов (Москва, Россия)

Проф. М. Ю. Люстров (Москва, Россия)

Г. В. Обатнин, PhD (Санкт-Петербург, Россия / Хельсинки, Финляндия)

<http://schoolsummer.jimdo.com>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ПИ № ФС 77 - 63198 от 1 октября 2015 года

Индекс по каталогу подписки «Урал-пресс»: ВН017186

ISSN 2587-8190 = Letná škola

С 30 ноября 2017 года журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

© Авторы статей, 2018
© «Летняя школа по русской литературе», 2018

Информация об авторах

Ольга Балакерская, студентка Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия. olya_balakerskaya@mail.ru

Софья Боленко, ученица школы № 67, Москва, Россия. bolenko.s@yandex.ru

Илья Виноцкий, доктор филологических наук, профессор Принстонского университета, Принстон, США. ivinitzk@gmail.com

Оксана Воробьева, аспирант Московского государственного университета, Москва, Россия. erhalten@inbox.ru

Анна Грачева, кандидат филологических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна, Санкт-Петербург, Россия. ansangracheva@gmail.com

Виктор Димитриев, кандидат филологических наук, младший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия. ganthenbein@gmail.com

Александр Кобринский, доктор филологических наук, профессор Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия. 444-44-4@list.ru

Андрей Кокорин, аспирант Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия. koko.ololo@gmail.com

Екатерина Колеватова, студентка Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия. katya.k.v@mail.ru

Андрей Люстров, студент национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия. almlamalm@mail.ru

Ольга Макаревич, кандидат филологических наук, научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, научный редактор журнала «Русская литература», Санкт-Петербург, Россия. philologolga@gmail.com

Павел Степанов, младший специалист-исследователь Европейского Университета в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия. pstepanov@eu.spb.ru

Александра Чабан, кандидат филологических наук, PhD, научный сотрудник национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия. achabanlit@gmail.com

Илья Виноцкий
(Принстон)

«ЛУИЗИАДА» В. А. ЖУКОВСКОГО

Из истории одного молитвенника

Образ великой княгини Александры Федоровны, дочери легендарной королевы Луизы Прусской и ученицы В. А. Жуковского с 1817 года, занимает центральное место в берлинских дневниках и произведениях поэта зимы 1820 — весны 1821 годов. Почитание великой княгини принимает в его творчестве форму религиозного ритуала, заимствованного из прусской придворно-романтической традиции. 6 (18) апреля 1821 года Жуковский обращает внимание на то, что великая княгиня использует во время вечерней молитвы особый молитвенник — письма своей матери — и восхищается «прелестной, трогательной мыслью обратить в молитву, в очищение души, в покаяние» воспоминания о королеве. В предлагаемой статье впервые устанавливаются источник и содержание этого священного «молитвенника» (компиляция отрывков из писем королевы Луизы, составленная ее подругой и биографом Каролиной фон Берг) и исследуется роль прусского национального мифа о королеве Луизе в формировании транснациональной (германороссийской) романтической религии Жуковского.

Ключевые слова: В. А. Жуковский, великая княгиня Александра Федоровна, прусская придворная традиция, поэтическая религия, миф королевы Луизы, транснациональный романтизм.

The image of Grand Duchess Aleksandra Feodorovna, a daughter of the legendary Queen Louise of Prussia and Vassily Zhukovsky's student since 1817, lies at the center of the poet's diary entries and oeuvre during his stay in Berlin in the winter and spring of 1820–1821. His worship of the Grand Duchess assumes the form of a genuine ritual borrowed by him from a Prussian Romantic court tradition. Thus, on April 6, during vespers, the poet sees in the Grand Duchess's hands a special prayer book, "her mother's letters", and admires the Grand Duchess's "beautiful, touching thought" of turning her memories of the Queen "into a prayer, into the purification of the soul, into penitence". In the present article, I identify the actual source and content of this sacred epistolary "prayer book" (a compilation of letters made by the Queen's friend and biographer Carolina von Berg and entitled "The Heavenly Remembrances") and examine the role of the Prussian national myth of Queen Louise

in the formation of Zhukovsky's transnational (German-Russian) poetic "religion".

Key words: Vassily Zhukovsky, Grand Duches Aleksandra Feodorovna, Prussian court tradition, poetic religion, myth of Queen Louise, transnational romanticism.

В этой семье прошедшее как святыня! Но какое прошедшее! Милое, семейное, освещенное тихими наслаждениями сердца! Милое вместе! Здесь иссохший цветок больше значит, нежели все богатые перлы, хотя нет ни малейшей изнеженности чувств, ни романтизма.

В. А. Жуковский. Дневниковая запись от 23 апреля 1821 года.

Anna: You're praying for Ivan?

Sonja: Yes. Your husband, I loved him, as you know.

Anna: I wanted you to have some of his possessions.

Sonja: How kind.

Anna: I kept his sword and gold watch... but here, I'm giving you his mustache.

Sonja: I'll cherish it.

Anna: Also some string. Ivan saved string.

Sonja: I know. It was one of the reasons why I loved him.

Anna: I understand that. I loved him for his string, too.

Sonja: Anything else for me?

Anna: I thought we should divide his letters. Do you want the vowels or the consonants?

Sonja: His vowels. You keep the consonants.

Both: Life is unbearable. So we meet again.

Сцена в церкви из фильма «Любовь и смерть» (1975) В. Аллена

1

В замечательной статье, посвященной религиозному подтексту и эстетической интерпретации стихотворения В. А. Жуковского «Теснятся все к тебе во храм...» (1821), Е. Э. Лямина и Н. В. Самовер указывают на исключительную важность для романтического житнетворчества Жуковского его берлинских впечатлений 1820–1821 годов. «Помимо высокой литературной продуктивности и интенсивности

эстетических деклараций» поэта, исследовательницы отмечают «интенсификацию <его> религиозных размышлений и особенно практик», связанных с великопостным циклом 1821 года (выделенным в особый раздел в его дневнике) и, в частности, с обрядом говения на Страстной неделе.¹ Лямина и Самовер совершенно справедливо указывают на то, что «толчком» к религиозно-эстетическим размышлениям Жуковского стали наблюдения поэта за романтической набожностью его августейшей ученицы, великой княгини Александры Федоровны (урожденной принцессы Шарлотты, дочери легендарной прусской королевы Луизы, будущей российской императрицы). «Исполняя предписанные православной церковью обряды, — замечают Лямина и Самовер, — она в то же время одушевляла их чем-то неформальным, идущим из глубины сердца».² В качестве примера исследовательницы приводят следующую запись из дневника Жуковского от 18 апреля 1821 года:

Во время вечерни, отдавая в<еликой> к<нягине> молитву, я увидел в ее руках другого рода молитвенник: письма ее матери! Какая прелестная, трогательная мысль обратить в молитву, в очищение души, в покаяние — воспоминание о матери! <...> Вот настоящая, чистая набожность! (XIII, 163)³

«Кроткая самобытность говения великой княгини, — заключают исследовательницы, — вероятно, оказалась сродни его собственным представлениям об индивидуальном богообщении», в котором непосредственное обращение к Создателю «с успехом заменяло <поэту> традиционную молитву».⁴

¹ Лямина Е., Самовер Н. Религиозное в эпоху поэтических манифестов: «Теснятся все к тебе во храм...» В. А. Жуковского // Пушкинские чтения в Тарту. Тарту, 2004. [Вып.] 3: Материалы Международной научной конференции, посвященной 220-летию В. А. Жуковского и 200-летию Ф. И. Тютчева. С. 104.

² Там же. С. 104.

³ Здесь и далее за исключением особо оговоренных случаев цитаты из произведений Жуковского даются по: *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 1999-... — с указанием в скобках номера тома и страницы.

⁴ Лямина Е., Самовер Н. Религиозное в эпоху поэтических манифестов. С. 107.

В более поздней статье, посвященной отношениям Жуковского с великой княгиней, Лямина и Самовер подчеркивают, что доказательств того, что письма матери действительно стали «вторым молитвенником» великой княгини, который она всякий раз читала во время говения, нет и что ее интерес к этим письмам возник потому, что она оказалась на Страстной неделе в родительском доме. Жуковского же интересовали, по мнению исследовательниц, не эти письма, но сама практика их использования для религиозно-эстетического общения с родной душой: для него «дополнительным индивидуальным молитвенником становится дневник — место фиксации собственных раздумий и духовного обмена с родственной душой».¹

И все же насколько самобытной и непосредственной была молтва принцессы Шарлотты? Какие именно письма матери входили в ее «молитвенник»? Как вписывается «трогательная мысль» великой княгини о покаянии через воспоминания о матери в романтический контекст прусской придворной культуры, буквально зачаровавшей русского поэта осенью-весной 1820–1821 годов? В предлагаемой статье, представляющей собой развернутую и переработанную версию раздела из нашей англоязычной книги о Жуковском и эмоциональной культуре романтической эпохи,² мы хотели бы ответить на эти три вопроса и поставить четвертый — о значении образа прусской королевы в поэтической мифологии Жуковского и специфике его «германо-русского» романтизма в целом.

2

Образ великой княгини Александры Федоровны в самом деле находится в центре берлинских дневниковых записей и писем Жуковского конца 1820 — первой трети 1821 года: многочисленные встречи и разговоры с ней, рассказы о ней ее родственников и подруг, описания мест, связанных с ее де-

¹ Лямина Е. Э., Самовер Н. В. Жуковский и великая княгиня Александра Федоровна: К вопросу о конструировании образа // Пермьяковский сборник. М., 2010. Ч. 2. С. 146.

² *Vinitsky I. Vasily Zhukovsky's Romanticism and the Emotional History of Russia*. Evanston: Northwestern University Press, 2015. P. 223–236.

вичеством, эпистолярные и поэтические описания праздника Лаллы Рук, в котором она играла главную роль. Страстная неделя 1821 года по православному календарю, как справедливо заметили исследовательницы,¹ действительно может быть названа кульминацией «Александриады» Жуковского (биографы поэта давно заметили, что он был платонически влюблен в свою ученицу).

В дневниковой записи от 4 (16) апреля 1821 года Жуковский восхищается «милой религиозностью» великой княгини. Она молится на коленях, ее «простые движения» и чистый голос кажутся ему проявлениями «прямо набожной души» (XIII, 162). В тот же день он посещает любимую комнату великой княгини во дворце Сан-Суси, где она жила до замужества. Здесь под вензелем принцессы он замечает ее рисунок Кунцендорфского замка, игравшего, как мы показали в нашей книге, значительную роль в биографическом мифе старших детей королевы Луизы. В эту комнату он собирается «прийти перечитывать» письмо своей любимой племянницы Александры Воейковой и «пожить воспоминанием <своего> прошлого и еще другого прошлого, которое мне неизвестно, но знакомо» (XIII, 162) (очевидно, речь идет о прошлом его ученицы и ее семьи, испытавшей гонения со стороны Наполеона).

Поклонение Жуковского Александре Федоровне приобретает характер настоящего ритуала. 6 (18) апреля поэт опять приходит «к милому месту, которое трогает своими воспоминаниями». Именно в этот день ему и открывается одна из тайн великой княгини, привлекая внимание исследовательниц его религиозного творчества, — «молитвенник», состоящий из писем матери. «И что же в этой книжке! — продолжает свою запись поэт. — Ее мысли, ее чувства, в самые тяжелые минуты жизни наполнявшие и утешавшие душу ее! Вот настоящая, чистая набожность!» (XIII, 163). Вернувшись домой, он перечитывает в своей «Лалле Рук» (то есть в дневнике-альбоме, посвященном великой княгине) то, что было написано ею, и записывает «кое-что свое»:

¹ Лямина Е., Самовер Н. Религиозное в эпоху поэтических манифестов.

Elle est ma religion! Il n'y a pas de plus grande jouissance que de sentir avec pureté la beauté d'une âme pure (XIII, 163).¹

Эту же французскую сентенцию, датированную 6 апреля 1821 года, мы находим в подаренном поэту великой княгиней альбоме в белом пергаментном переплете с золотым тиснением и «бронзовой застежкой, украшенной десятью камнями (по числу букв в имени Александра)».² К этому драгоценному во всех отношениях альбому поэта (много лет спустя завещанному им великой княжне Ольге Николаевне, дочери императрицы Александры Федоровны) мы еще вернемся.

Нужно сказать, что первое упоминание Жуковского о письмах королевы как драгоценной семейной реликвии Гогенцоллернов относится к 9 ноября 1820 года. После урока с великой княгиней, прошедшего «в королевских горницах», Жуковский осматривает сами эти горницы, сохранившиеся в нетронутном виде со времени жизни королевы. В кабинете Луизы его внимание привлекает «записная книжка, сделанная великою княгиней для матери, чтобы в нее прятать ее письма» (XIII, 150). В дневниковой записи от 3 (15) марта 1821 года Жуковский вновь упоминает «письма королевы», о которых, видимо, зашла речь, когда он был «поутру у великой княгини» (XIII, 159). Совершенно очевидно, что поэт был заинтригован «записной книжкой», или молитвенником великой княгини, включавшим собрание «мыслей и чувств» ее матери.

3

Эти сокровенные «мысли и чувства» королевы Луизы нам удалось идентифицировать и отыскать. В конце XIX века американский журналист и германофил П. Бигелов (Paultney Bigelow) опубликовал в составе своей «History of the German Struggle for Liberty» рукопись предсмертного сочинения королевы Луизы «Himmlische Erinnerungen» («Небесные воспоминания»), полученную им от герцога Кумберлендского, внучатого племянника королевы. Рукопись, согласно

¹ Перевод: «Она моя религия! Нет большего наслаждения, как чувствовать чистым сердцем красоту чистой души».

² ОР РНБ. Ф. 286. Оп. 2. Ед. хр. 229. Л. 1.

описанию Бигелю, представляла собой небольшой альбом (40 страниц), листы которого были украшены рукой королевы акварельными цветочными орнаментами — в основном лилиями.¹ На третьей странице альбома был записан любимый девиз королевы: «Recht, Glaube, Liebe, Hoffnung» («Право, вера, любовь, надежда»). В состав этой книжечки входили десять рассуждений религиозно-нравственного характера, датированных 1803–1809 годами и, «совершенно очевидно, заимствованных из ее собственного драгоценного и мучительного жизненного опыта».²

В 1896 году «Небесные воспоминания» Луизы были перепечатаны биографом королевы Паулем Байо (Paul Bailleu) в восьмом томе «Forschungen zur Brandenburgischen und Preußischen Geschichte».³ В публикации указывалось, что перед этими рассуждениями были записаны слова «Wie der Herr es gewollt, also ist es geschehen: wie der Herr es wird wollen, also wird es geschehen» («Как Господь этого пожелал, так и случилось; как Господь этого пожелает, так и должно быть»). Заметим, что именно эти слова, взятые из письма королевы Луизы к своему мужу, выбиты на ее саркофаге.

Насколько нам известно, в дальнейшем эта маленькая секретная книжка («dem verschwiegenen kleinen Buche») не привлекала к себе внимания исследователей. Каково же ее происхождение?

В письме от 19 февраля 1811 года к своему конфеданту, евангелическому теологу Людвигу Эрнсту фон Боровски, король Фридрих Вильгельм сообщает о нескольких разрозненных записках на религиозные и нравственные темы, оставленных его покойной женой (королева, сетует он, имела обыкновение уничтожать свои письма). Среди этих мыслей и заметок король упоминает уже известные нам слова о воле Господа, которые он повелел выгравировать на надгробии

¹ *Bigelow P.* History of the German Struggle for Liberty: In 2 v. New York: Harper and Brothers, 1896. Vol. 1: 1806–1812. P. 209. Здесь и далее перевод с английского мой. — *И. В.*

² Там же. P. 208.

³ *Bailleu P.* «Aus einem Stammbuch der Königin Luise» // *Forschungen zur Brandenburgischen und Preußischen Geschichte.* 1895. Bd VIII. S. 251–253.

жены.¹ Эти записки («*kleine Papiere*», «*eine Fragmente*»), по всей видимости, и вошли в короткий компендиум — «истинную реликвию этой святой, этого Ангела» («*wirkliche Reliquien eines Heiligen, eines Engels*»²), вероятно, приготовленный для ближайшего круга Луизы к первой годовщине со дня ее смерти. Проведенное нами сличение «Небесных воспоминаний», напечатанных Бигелоу и Байо, с опубликованными письмами королевы,³ показало, что все они были заимствованы из ее писем к подруге и будущему биографу Фридерике-Каролине фон Берг, которая, как мы полагаем, и создала эту компиляцию.⁴

В упомянутом выше «драгоценном» альбоме Жуковского, подаренном ему великой княгиней 3 апреля 1821 года, мы обнаруживаем полный текст «Небесных воспоминаний» Луизы, записанных рукою великой княгини⁵ (одну из немецких сентенций из этого альбома опубликовал еще А. Н. Веселовский, но он не смог — да и не ставил задачи — выяснить ее источник⁶). В описи бумаг Жуковского, поступивших в Императорскую Публичную библиотеку в 1901 и 1902 годах, эти немецкие записи были названы «выдержками из писем» матери великой княгини прусской королевы Луизы, относящимися к 1803, 1807 и 1809 годам. В описи также указывалось, что на первых листах этого альбома находятся написанные по-немецки рукою Жуковского в апреле 1821 года в Сан-Суси воспоминания о королеве Луизе, и высказывалось пред-

¹ Aus dem Briefwechsel König Friedrich Wilhelms III. mit dem Erzbischof Borowski 1810 ff. Mitgeteilt von Univers.-Professor D. Karl Benrath // *Altpreussische Monatsschrift*. 1907. Bd 44. S. 442.

² *Ibid.* S. 443. Здесь и далее перевод с немецкого мой. — *И. В.*

³ *Königin Luise von Preussen*. Briefe und Aufzeichnungen 1786–1810. München, 1985.

⁴ Каролина фон Берг была ближайшей конфиданткой королевы в самые тяжелые периоды ее жизни (бегство в Кенигсберг от наполеоновских войск). Она была рядом с Луизой во время ее смертельной болезни и приняла ее последний вздох (см.: *Трубановская М. В.* Автограф В. А. Жуковского на книге из библиотеки императрицы Александры Федоровны // Жуковский: Исследования и материалы: Сб. научных трудов. Томск, 2017. Вып. 3. С. 471).

⁵ ОР РНБ. Ф. 286. Оп. 2. Ед. хр. 229. Л. 12–13.

⁶ *Веселовский А. Н.* В. А. Жуковский: Поэзия чувства и «сердечного воображения». СПб., 1904. С. 313.

положение, что эти воспоминания принадлежали госпоже Вильдермет, воспитательнице великой княгини, с которой поэт был хорошо знаком. Наконец, переписанные Александрой Федоровной письма матери окружены в альбоме двумя заметками Жуковского о королеве Луизе, написанными по-русски и датированными апрелем 1821 года.¹

Приведем текст рассуждений королевы, переписанных великой княгиней в дневник Жуковского, полностью (с русскими переводами после каждого рассуждения, сделанными нами²):

* Auch in guten Tagen kräftige ich mich durch die Religion gegen die bösen, die da kommen können und in diesem bronzenen Säculum nicht ausbleiben werden. — Potsdam, 1803 («Также в хорошие дни я креплю себя верой против дней дурных, что могут здесь наступить и не минуют нас в этот бронзовый век»).

* Der Mensch lebt von Erinnerungen. Wenn man sich nur Gutes von sich zu erinnern hat, so kann man nie ganz unglücklich sein. — Potsdam, 1803.

(«Человек жив воспоминаниями. Если можно вспомнить только хорошее о себе, то нельзя никогда быть совершенно несчастным»).

* Ein Trost des moralischen Menschen ist, dass ihn Gott nicht ganz verlassen kann. Kommt die Hülfe auch nicht schnell, sie kommt doch gewiss. — Memel, 1807.

(«Утешение нравственного человека состоит в том, что Бог никогда не может его совершенно оставить. Если помощь и не придет быстро, все же она придет наверняка»).

* Man kann mit Recht sagen, dass nur indem wir thun was Recht ist, und wir unserer Pflicht leben, wir uns des Glückes würdig machen. Ob wir es theilhaftig werden, steht in Gottes Hand. — Memel, 1807.

(«Можно по справедливости сказать, что мы делаем себя достойными счастья, лишь когда совершаем то, что верно,

¹ Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1902 г. СПб., 1910. С. 43–45. В альбом также были включены два письма королевы Луизы к баронессе Крюднер 1809 и 1810 годов, переписанные в 1838 году рукою великой княжны Марии Николаевны, письмо императрицы Александры Федоровны к сыну, великому князю Александру Николаевичу в день его совершеннолетия 17 апреля 1834 года.

² Выражаю глубокую признательность К. Ю. Лаппо-Данилевскому за помощь в переводе.

и когда исполняем свой долг. Будем ли мы счастливы, на то воля Господа»).

* Wer das gesagt hat, dass nichts schrecklicher sei als die gute Meinung die man von einem Menschen hat, zurücknehmen zu müssen, der hat recht gesagt. Es schmerzt fürchterlich! Dennoch glaube ich mehr als je, dass es eine Tugend giebt, und dass sie allein uns auch schon hier auf Erden beglücken kann. — Königsberg, Mai, 1809.

(«Тот, кто сказал, что нет ничего ужаснее, чем утратить доброе мнение, которое ты составил о другом человеке, сказал сущую правду. Это страшная боль! Все же я более, чем когда-либо прежде, верю в то, что добродетель существует и что лишь она может нас уже здесь на земле сделать счастливыми»).

* Also mache ich die Augen zu, und falte die Hände; und sage so oft ich nur kann: Wir alle stehen in deiner Hand, Gott; verlass uns nicht! — 1809. (Место не указано. — *И. В.*).

(«Итак, я закрываю глаза, соединяю ладони и повторяю столь часто, сколь могу: все мы в руке Твоей, Господи, не покинь нас!»).

* Ich las heute eine Stelle die mir gefiel, weil sie wahr ist: 'Leiden und Elend sind Gottes Segen, wenn sie überstanden sind.' (Песталоцци. — *И. В.*). Auch ich, mitten in meinem Elend sage schon: Wie näher bin ich bei Gott; wie deutlich sind meine Gefühle von der Unsterblichkeit der Seele zu begriffen geworden! — Königsberg, März, 1809.

(«Сегодня утром я прочитала слова, которые принесли мне большое удовольствие, ибо они истинны: „Страдание и несчастье — знаки благословения Господа, когда мы выдерживаем их“ [Песталоцци]. Так же и я, и в самой пучине моих несчастий, говорю: насколько ближе я теперь к Богу, насколько дороже для меня стали мои чувствования о бессмертии души»).

* Nie kann der Mensch für den Ausgang seiner Unternehmungen stehen; wenn aber die Entschlüsse die man nahm einen guten Zweck haben, so muss das weitere in Gottes Hand gelegt werden. — Königsberg, 1809.

(«Ни один человек не может нести ответственность за исход своего дела; если же решения были приняты с добрыми намерениями, во всем дальнейшем следует положиться на волю Господа»).

* Ach! Bei allen verschiedenen Verwirrungen nur einen Augenblick Ueberlegung, und alles in der Welt hat wieder seinen angewiesenen Platz, welchen Gottes Vorsehung

bestimmt. Das Auge emporgehoben, die Seufzer zum Himmel geschickt und ein Gebet um neue Stärke, so geht es gewiss; denn Gott verlaesst nicht, die ihn lieben und die ihm vertrauen. — Königsberg, August, 1809.

(«Ах! Среди всех разнообразных неурядиц, остановись на мгновение и задумайся; и все в мире вновь обретет отведенное ему место, предопределенное Божественным Промыслом. Можно, конечно, устремив взор горе, обратить вздох и молитву о новых силах к небесам; ибо Господь не покидает тех, кто Его любит и на него полагается»).

* Ach! Hatte der Mensch doch eine Stätte wo seiner bewegten Seele ganz wohl werden könnte; wo so manches Sehnen gestillt, so manche Thräne mit Gewissheit getrocknet werden konnte!“ So säufzte ich oft. Allein ich finde diese Stätte nirgends auf Erden. Aber meine Säufzer erheben sich endlich als heilige Gedanken zu Gott und ich werde gestärkt durch den Glauben. — 1809. (Место не указано. — *И. В.*).

(«„Ах! Если бы у человека все же имелось место, где его беспокойной душе было бы вполне хорошо, где хотя бы отчасти могла утихнуть его тоска и могла бы наверняка высохнуть часть его слез!“ — так вздыхала я часто. Сама я не нахожу этого места на земле. Но мои вздохи возносятся к Господу как священные мысли, и я становлюсь сильнее благодаря вере»).

Выявление в альбоме Жуковского этого экстракта из писем прусской королевы, написанных в самые тяжелые периоды ее жизни, позволяет нам сделать три предварительных вывода. Во-первых, альбом, подаренный великой княгиней поэту, вполне можно назвать альбомом, посвященным ее матери: его центральным текстом (и главной темой) являются письма Луизы. Во-вторых, как мы видим, именно великая княгиня познакомила поэта с этой драгоценной реликвией, посвятив его таким образом в одну из тайн своего романтического семейства.¹ (Эта запись была, несомненно, сделана по просьбе Жуковского и свидетельствует о глубоко доверительных отношениях между ним и его августейшей

¹ Следует добавить, что перед текстом писем королевы Луизы дочь Александры Федоровны Александра Николаевна вписала в альбом Жуковского девиз своей бабушки «Recht, Glaube, Liebe» (датировано годовщиной смерти королевы — 19 Июля 1824 «в Павловске в день отъезда В. К.»). Эта вставка говорит о том, что великая княжна была знакома не просто с этой реликвией, но и с сопутствовавшим ей ритуалом воспоминания.

ученицей.¹) В-третьих, не может быть никаких сомнений в том, что эта компиляция сокровенных мыслей и чувств Луизы, идентичная найденной Бигелю «маленькой книжке», и была тем самым «молитвенником» ее дочери, о котором восторженно писал поэт.

Здесь возникает вопрос, насколько «самобытным» (непосредственным) было использование экзальтированной Шарлоттой писем матери в качестве молитвенника. Судя по всему, подобного рода экстракты из писем почивших родственников не были чем-то исключительным в лютеранской (и особенно в пиегистской) вероисповедальной практике, особенно в романтическую эпоху. «Индивидуальные», сентиментально-романтические обычаи прусской королевской семьи вписывались в протестантскую традицию и приобретали характер религиозных ритуалов, соединявших членов этой семьи и их доверенных лиц в своего рода тайную эмоциональную общину (таким был обычай «цвета завета», объединявший детей королевы, которому мы посвятили отдельную главу в нашей книге²). Очевидно, что сборник «Небесных воспоминаний» Луизы был предназначен для ее семьи и ближайшего круга посвященных и его главной целью было не столько сохранение заветных мыслей королевы, сколько стимулирование воспоминаний о ней (точнее, о ее канонизированном в этой семье образе) при регулярном (ритуальном) перечтении. Эта заветная книжка призвана была создавать иллюзию загробной речи любящей матери, обращенной к ее детям (а затем и внукам). В каком-то смысле она была их тайным «семейным» евангелием.

Иначе говоря, «чистая набожность» принцессы, так восхитившая Жуковского, была опосредована религиозной, семейной и литературной традициями, соединившимися в прусской придворной культуре, с которой поэт познакомился в Берлине в 1820–1821 годах. Сам образ романтического

¹ Тем самым находит подтверждение и конкретизируется предположение исследователей Жуковского (А. Н. Веселовского, Е. Э. Ляминой, Н. В. Самовер, Д. В. Долгушина, М. В. Трубановской) о том, что великая княгиня знакомила поэта с письмами своей матери.

² *Vinitzky I. Vasily Zhukovsky's Romanticism*. P. 198–213.

прусского двора восходил к программному трактату Новалиса «Glauben und Liebe, oder Der König und die Königin» (1798), посвященному родителям Шарлотты. В этом трактате потсдамская жизнь описывалась как прообраз золотого века Германии. Введенная Новалисом романтическая тема идеальной королевской четы была впоследствии развита любимыми авторами Луизы и ее дочери — Фридрихом де Ламотт Фуке и Жан-Полем, равно как и менее знаменитыми писателями, хорошо известными Жуковскому и созвучными его романтическому монархизму. Смерть королевы, символически изображавшаяся в этой традиции как ее преображение и вознесение, вводила в романтический мир Гогенцоллернов тему загробной миссии возлюбленной матери — ангела-хранительницы королевского семейства.

4

Вернемся к альбому Жуковского. Сразу за приведенными десятью сентенциями, как бы доносившими из могилы голос самой королевы, поэт записывает рассуждение о несчастье, датированное 6 (18) апреля 1821 года (то есть тем же днем, что и запись о «молитвеннике» великой княгини) и, скорее всего, навеянное мыслями королевы:

Несчастье делает все живым! Несчастье есть магнит, который притягивает к нашей душе Гениев небесных! <...>
Золото очищается в горении несчастьем. Потсдам 1821, апреля 6/18.¹

Следует заметить, что тема очаровательной набожной принцессы в дневниках Жуковского 1820–1821 годов неразрывно связана с его размышлениями о ее идеальной матери. Александра Федоровна воспринималась в России прежде всего как дочь «великой» королевы — национальной героини Пруссии, возвышенного идеала немецкой женщины

¹ ОР РНБ. Ф. 286. Оп. 2. Ед. хр. 229. Л. 14 об. Включенный в альбом фрагмент о воспоминании подробно рассматривается Н. Б. Реморовой (*Реморова Н. Б.* «Сид» Гердера в переводе Жуковского. Неизвестный автограф // Библиотека В. А. Жуковского в Томске. Томск, 1978. Ч. 1. С. 202–203) и Л. Е. Мисайлиди (*Мисайлиди Л. Е.* Статья В. А. Жуковского «Воспоминание» (К истории создания) // *Memento vivere: Сб. памяти Л. Н. Ивановой.* СПб., 2009. С. 103).

(II, 497), предмета рыцарского поклонения императора Александра I. Биографический миф Луизы Прусской, начавший складываться еще при ее жизни и кристаллизовавшийся после ее безвременной кончины 19 июля 1810 года,¹ практически сразу становится объектом рефлексии восторженного учителя ее дочери.²

Уже 25 октября 1817 года, то есть через три дня после первого занятия с великой княгиней, Жуковский пишет в дневнике о чтении «биографии королевы Луизы». По всей видимости, в его руки попало классическое жизнеописание королевы, составленное графиней Каролиной фон Берг, «Louise, Königin von Preussen: der Preussischen Nation gewidmet» (Berlin, 1814). Как нам удалось установить, выписки из этой биографии содержатся в дневниках поэта начала 1820-х годов (заметим, что в середине марта этого года Жуковский лично познакомился с госпожой Берг, которая в то время была обер-гофмейстериной герцогини Кумберлендской).

Образ Луизы Прусской использовался в воспитательной программе Жуковского «как идеал для подражания».³ Так, 6 ноября 1817 года поэт пишет в дневнике о том, что говорил с великой княгиней «о высокой ее цели и о прекрасном образце, который она имеет в своей матери» (XIII, 126). Не меньшее значение этот «прекрасный образец» приобрел и для самого учителя принцессы.

Нужно сказать, что Жуковскому известны были и другие биографические сочинения, посвященные прусской королеве.⁴ Наибольший интерес для него, естественно, представляли

¹ См.: *Demand Ph.* Luisenkult: die Unsterblichkeit der Königin von Preussen. Wien, 2003; *Wuelfing W., Bruns K., Parr R.* Historische Mythologie der Deutschen. München, 1991. S. 59–111.

² *Долгушин Д. В.* Миф о королеве Луизе в творчестве В. А. Жуковского // *Сюжетология и сюжетография.* 2014. № 2. С. 108–114.

³ *Мисайлиди Л. Е.* Статья В. А. Жуковского «Воспоминание». С. 96.

⁴ В его библиотеке, хранящейся в настоящее время в Томске, имеются три биографии королевы, в том числе книга Р. Ф. Эйлера (R. F. Eylert) «Die Gedächtnissfeyer der verewigten Königin Luise von Preussen» (Berlin, 1812). Автор лично подарил поэту экземпляр своей книги в Потсдаме 26 декабря 1820 года (Библиотека В. А. Жуковского: Описание / Сост. В. В. Лобанов. Томск, 1981. С. 150).

упоминания в этих источниках принцессы Шарлотты. Так, в дневниковую запись от 2 декабря 1817 года поэт включил немецкую цитату о скорби принцессы по поводу кончины ее матери и утешительных словах ее августейшей родственницы:

Deine Mutter wüerde dir gesagt haben: *Sei tugendhaft!* Ich will dir in dem Namen deiner verklärten Mutter sagen: «Sei so tugendhaft, wie sie war! Du hast die Gaben deiner Mutter empfangen, lebe auch in ihrem Geiste und nach dem Vorbilde dieses Engels. Dann wird der Segen deiner Mutter auf dir ruhen» (19 July 1810, 9 Uhr) (XIII, 128).

(«Твоя мать тебе сказала бы: „*Будь добродетельной!*“ Я от имени твоей усопшей матери скажу тебе: „Будь такой же добродетельной, как она. Ты получила дарования твоей матери; живи же в ее духе и по примеру этого ангела. Тогда на тебе будет покоиться благословение твоей матери!“»)

К этой выписке ученица Жуковского собственноручно сделала примечание о том, как на следующий день после смерти матери она сплела для ее могилы венки из белых роз, собранных ее братьями и сестрами. Романтически настроенная принцесса посвящала поэта в свое прошлое.

По устоявшемуся мнению, приведенный выше немецкий текст является выпиской из дневника воспитательницы великой княгини г-жи Вильдермет, с которой Жуковский познакомился в это время (XIII, 487). Между тем, источник этой выписки можно конкретизировать: она целиком взята из брошюры некоего Карла Ганна (Karl Hahn), посвященной последним часам жизни королевы Луизы, «*Die letzten Lebenstage der Königin Luise: Ein Privatdruck*» (1810) (в брошюре выписка находится на стр. 44; приписка великой княгини восходит к последующим двум абзацам).¹

Эта загадочная брошюра вышла в 1810 году в ограниченном количестве экземпляров (все они были пронумерованы), в продажу никогда не поступала и предназначалась для распространения среди родственников и близких друзей королевы. (По некоторым данным, ее настоящим автором был дядя принцессы Шарлотты герцог Георг Мекленбургский-Стрелицкий (Georg Friedrich Karl Joseph von

¹ Karl Heinrich August Hahn (1778–1854) — ректор königlichen Garnisonsschule (королевской гарнизонной школы) в Берлине.

Mecklenburg-Strelitz)¹). Брошюра начиналась с отнесенного к королеве евангельского текста о званых и избранных в лютеровском переводе:

Nur wenigen Auserwählten ist dieses Andenke an Luise bestimmt (S. 3).

Ср.: «Denn viele sind berufen, aber wenige sind auserwählt» (*Matthaeus 22:14*).

Скорее всего, именно через эту брошюру Жуковский и познакомился с традицией «придворных» изданий для избранных читателей («Privatdruck»), которую, как мы полагаем, он и постарался перенести на русскую почву в своем журнале-альманахе «Für Wenige — Для Немногих» (1817).² Религиозный смысл, вкладываемый в понятие «немногие» автором воспоминаний о кончине Луизы, был крайне важен для поэтической герменевтики Жуковского.³ «Немногие» адресаты его двуязычного поэтического журнала-альманаха — это не просто родственные души или «строгие друзья» таланта, но эстетическая «семья избранных», объединившаяся вокруг прекрасной княгини, — прусско-российский религиозно-поэтический орден, скрепляемый памятью о ее мученице-матери.

Подчеркнем, что эту традицию «для немногих» прусская принцесса Шарлотта в прямом смысле слова привезла с собой в Россию вместе с живописными и литературными альбомами, семейными реликвиями, вроде засушенного «цветка завета» (как мы установили, травка, называемая «трясу-

¹ *Scheffner J. G. Mein Leben, wie ich, Johann George Scheffner es selbst beschrieben*. Leipzig: J. G. Neubert, gedruckt 1816 und ausgegeben 1823. S. 409.

² Известный библиограф Н. П. Смирнов-Сокольский писал, что журнал Жуковского стоит у истоков традиции «приватных» малотиражных изданий в России: «Именно это обстоятельство, — пишет он, — позволяет считать „Для немногих“ не пустой придворной забавой, а одним из прижизненных изданий произведений выдающегося русского поэта» (*Смирнов-Сокольский Н. П. Рассказы о книгах*. М., 1977. С. 323). Добавим, что в русской литературе после Жуковского вышло несколько книг под титулом или с подзаголовком «Для немногих».

³ См. ее обсуждение в нашей главе об «Овсяном киселе» Жуковского: *Винуцкий И. Ю. Дом толкователя: Поэтическая семантика и историческое воображение В. А. Жуковского*. М., 2006. С. 69.

нок»¹), любимыми музыкальными произведениями, несущими тайные воспоминания, и «молитвенником» с экстрактом из писем матери. «Переводчиком» (и истолкователем) этой традиции на русский культурный язык и стал восторженный учитель Александры Федоровны.²

5

Еще до берлинского путешествия поэта биографические факты, почерпнутые Жуковским из литературных произведений, книг и рассказов о королеве Луизе, становятся темами для лирической разработки. Весной 1818 года он переводит гекзаметрами начало и конец прозаического сочинения Жан-Поля, посвященного «мучительно-утешительному воспоминанию о 19 июля 1810 года» (А. С. Янушкевич точно назвал этот перевод поэтическим экстрактом некролога Жан-Поля (II, 497)). Рассказанная Каролиной фон Берг история о недочитанном умирающей королевой письме от Шарлотты³ целиком переносится поэтом в альбом 1821 года и разворачивается в небольшое эссе о духовной близости между Луизой и ее дочерью⁴:

¹ *Vinitsky I. Vasily Zhukovsky's Romanticism. P. 206.*

² Разумеется, немецкая традиция пала здесь на подготовленную почву: культ «малого света», кружка сочувственников, формируется в сознании Жуковского уже к концу 1800-х годов.

³ «Einen andern Brief, den ihr ihre älteste Tochter, die Prinzessin Charlotte, deren Geburtstag gerade während ihrer Krankheit am 13. Juli fiel, am nämlichen Tag aus Charlottenburg schrieb, und der ein reiner Ausdruck kindlicher Liebe und Verehrung war, ließ sich die Königin vorlesen. Aber er bewegte sie so, daß ihre Schwester, die Prinzessin von Solms, mit dem Lesen inne halten mußte. Auch hat sie diesen Brief vor allzu großer Rührung nie ganz hören können. Von dem Kronprinzen und ihren andern Kindern sprach sie viel, und bei jeder Nachricht, die aus Charlottenburg ankam, erkundigte sie sich mütterlich nach ihnen» (*Berg C. F. von. Die Königin Luise. Berlin, 1814. S. 118.*)

⁴ В описи альбома Жуковского, поступившего в Публичную библиотеку, она, как мы помним, предположительно приписывалась любимой гувернантке принцессы г-же Вильдермет. Эти рассуждения стали основой для известного романтического фрагмента Жуковского на тему «святого воспоминания», переписанного из дневника с небольшими изменениями в альбом Александры Воейковой, и спустя многие годы вошедшего в «итоговую» статью «Воспоминание», включенную поэтом в сборник «Мысли и замечания», не пропущенный цензурой в 1850 году.

Это *недочитанное письмо* кажется каким-то предзнаменованием! Как будто не все земное для нее кончилось, как будто еще связь на земле, видимая связь, осталась. <...> Она не могла дочитать письма своей дочери, но она может ныне читать жизнь своей дочери! И эта жизнь должна ей дать такое же наслаждение, какое дали бы нежные строки... за минуту до смерти прочитанные. <...> Вечность есть не иное что как воспоминание; а душа там, где она любит и любила — и так ее должна быть жизнь в дочери.¹

В возвышенной философии Жуковского, страдания матери являются залогом счастья ее дочери, — «и это будет потому, что это справедливо!».²

Еще раньше упоминание полученного королевой на смертном одре письма появляется в пространной дневниковой записи, датированной 16 (28) февраля 1821 года (XIII, 157–159). Оно немедленно влечет за собой рассуждение поэта о том, что «эти недочитанные строки имеют святое, пророчественное знамение. Они как будто означают всю вашу жизнь — без *нее* и все для *нее!*» (XIII, 158). Рассуждение заключается программной выпиской из биографии Луизы, написанной Каролиной фон Берг:

Wenn gleich die Nachwelt meinen Namen nicht unter den Namen der berühmten Frauen nennen wird, so wird sie doch, wenn sie die Leiden dieser Zeit erfährt, wissen, was ich durch sie gelitten habe, und sie wird sagen: sie duldet viel und harrete aus im Dulden. Dann wünsche ich nur, daß sie zugleich sagen möge: aber sie gab Kindern das Dasein, welche besserer Zeiten würdig waren, sie herbeizuführen gestrebt und endlich sie errungen haben.³

(«Хотя потомство не назовет моего имени среди имен знаменитых женщин, все-таки оно, после того как ему станут известны бедствия этого времени, узнает, что я выстрадала из-за этих бедствий, и скажет: она много терпела и вытерпела, страдая. Далее я желаю лишь, чтобы оно в то же время сказало: она даровала жизнь детям, которые заслуживали лучших времен, стремились их приблизить и наконец добились их»).

Эта же цитата из книги Берг находится и в составе недавно опубликованной М. В. Трубановской записи, сделанной

¹ ОР РНБ. Ф. 286. Оп. 2. Ед. хр. 229. Л. 4 об.

² Там же.

³ Там же.

Жуковским в день рождения королевы 10 марта 1821 года на передних листах принадлежавшего великой княгини конволюта, составленного из биографии Каролины фон Берг и книги И.-Г.-Б. Дрезеке «Glaube. Liebe. Hoffnung». Эта запись — рассуждение о религиозно-эстетическом значении воспоминания, включающее неизвестную редакцию знаменитого стихотворения о «милых спутниках» и интерпретацию «священной» для великой княгини картины Доменикино, — практически дословно повторяет фрагмент о воспоминании, записанный поэтом в свой дневник и частично представленный в альбоме, подаренном ему великой княгиней.¹

Знаменательно, что Жуковский включает «завещание» Луизы в круг собственных представлений о счастье, «вымоленном» для детей страдальцами родителями. При этом «старая» концепция счастья получает здесь дополнительное, историческое измерение: эпоха бедствий, связываемых с наполеоновскими войнами, окончена; наступает счастливый век мира и благоденствия («bessere Zeiten»), символизируемый судьбой дочери королевы-страдальцы, — очаровательной принцессы и молодой матери, соединившей два царствующих дома, охраняющих покой Европы.²

В 1820–1821 годы книги и устные воспоминания Жуковского о королеве Луизе наполняются в его воображении впечатлениями от мест, связанных с ее жизнью и ее культом («Место, где жила прекрасная душа, свято» (XIII, 162)). В самом начале своего пребывания в Берлине поэт посещает мавзолей Луизы в Шарлоттенбурге, где «спит любимая мать, царица, не забытая народом, женщина, украшение своего времени, жертва несчастья, и она погребена там, где все полно ее воспоминанием, где она была душою семьи своей и наслаждалась чистым семейным счастьем» (XIII, 143). В дневниковой записи от 22 октября 1820 года он дает подробное описание знаменитого памятника-саркофага Луизе (того самого, на котором выведены слова королевы из

¹ Трубановская М. В. Автограф В. А. Жуковского на книге из библиотеки императрицы Александры Федоровны. С. 470–472.

² Впрочем, слова утешения нужны были и великой княгине, незадолго до того потерявшей в родах ребенка.

«Небесных воспоминаний»): «...смерть здесь кажется сном, и невольно сливается с нею мысль о пробуждении» (XIII, 143). Этот памятник пробуждает в нем «унылое воспоминание, смешанное с неясною надеждою». Над головою спящей королевы он замечает семь увядших венков, сплетенных детьми Луизы в первый день рождения после ее смерти. Два раза в год, пишет Жуковский, король со всей семьей приходят почтить память Луизы у ее гроба.

Жуковский осматривает дворцовую церковь, в которой были крещены все дети королевы. Здесь он обращает внимание на памятник маленькому принцу, со смерти которого (в 1806 году) начались, как он уже знает из биографии Луизы и рассказов ее дочери, все несчастья королевского дома. В одной из комнат его внимание привлекли «нарисованные глаза королевы в рамке», в которых он узнал глаза великой княгини (XIII, 144). К началу марта относится его разговор с великой княгиней о «10 марта» (день рождения королевы), перешедший в духовную беседу о причастии (этим днем датирована и найденная Трубановской запись поэта о воспоминании, сделанная на конволюте, включавшем биографию Луизы). В концепции поэта «ритуал совместного воспоминания»¹ оказывается неразрывно связанным с темой идеальной семьи, члены которой соединены незримыми узами общего прошлого. (Это *семье-строительство* Жуковского, как мы показали в нашей книге, было связано не только с руссоистской традицией, с детства усвоенной поэтом, но и с его положением незаконорожденного ребенка в любимой семье). Причем в этот ритуал он включает не только себя самого, великую княгиню и ее брата (будущего короля Пруссии), с которым он подружился в это время, но и своих любимых бунинских «сестер» и ближайшего друга А. И. Тургенева.

Воспоминаниями о них он делится с Александрой Федоровной (и, кстати сказать, добивается протекции и значительной денежной помощи для своей племянницы — тетки великой княгини Александры Воейковой), а рассказами о великой княгине — со своими родственницами. В любви

¹ Лямина Е. Э., Самовер Н. В. Жуковский и великая княгиня Александра Федоровна. С. 144–158.

мую горницу в Сан-Суси, украшенную венками Шарлотты в память матери, он приходит, чтобы перечитать письмо Саши-Светланы. Стихи и лирические рассуждения из его берлинских альбомов и дневников, посвященных прусской королеве и ее дочери, он пересылает своим сестрам (известный нам фрагмент о воспоминании вписан в альбом Саши Воейковой) и другу.

Отгалкиваясь от прусской придворно-романтической традиции, Жуковский представляет образ королевы Луизы как воплощение высокого *Weiblichkeit*, продолжаемого в ее дочери. Иначе говоря, от германского национально-патриотического *Luisenkult* он идет к созданию «приватного» немецко-русского *Charlottenkult* (или точнее, *Alexandra-Kult*), адресованного «малому кругу» родственников и приближенных великой княгини, — ее новой, русской, семье, в которую он включает и своих собственных любимых «сестер».¹

«Литература есть родство», — записывает Жуковский в свой берлинский дневник (XIII, 147). Этот принцип находится в центре мировоззрения и поэтической системы поэта. Прекрасное для него — это семья, покровительница которой находится за пределами земного существования.

6

Следуя за немецкими образцами, Жуковский в своих произведениях конца 1810 — начала 1820-х годов неизменно представляет королеву-страдальцу в образе вознесенной Матери, созерцающей жизнь своей возлюбленной дочери. В этом контексте особенно значимым является образ *Верной* (характерное для германизированного русского языка Жуковского субстантивированное и олицетворенное

¹ Надо сказать, что ко времени знакомства Жуковского с принцессой Шарлоттой последняя уже была предметом небольшого романтического культа в Германии. Известные поэты и композиторы посвящали ей свои произведения, а любимый брат Фридрих (будущий король Фридрих Вильгельм IV) написал для нее небольшую аллегорическую сказку, в которой представил ее в образе прекрасной королевы Борнео, а ее отъезд в Россию — как «путешествие в мир загадочного восточного острова». См.: *Пахомова-Герес В.* Король и поэт: Фридрих Вильгельм IV и В. А. Жуковский. Забытая история одной дружбы: Биография отдельного лица // Немцы в России: Российско-немецкий диалог. СПб., 2001. С. 247.

прилагательное) из «эзотерического» стихотворения «Цвет завета» (1819), в основу которого Жуковский положил воспоминания своей ученицы о старинном семейном обычае:¹

И *Верная* была незримо с нами...
 Сии окрест волшебные места,
 Сей тихий блеск заката за горами,
 Сия небес вечерних чистота,
 Сей мир души, согласный с небесами,
 Со всем была, как таинство, слита
 Ее душа присутствием священным,
 Невидимым, но сердцу откровенным.
 (II, 134)

Смерть и преображение королевы Виртембергской в знаменитой элегии Жуковского 1819 года описывается под явным воздействием немецкого поэтического мифа о вознесении Луизы: «Незрима нам, но, видя нас оттоле, / Безмолвствует при жертвенном престоле» («На кончину ея величества королевы Виртембергской. Элегия» (II, 122)). Преображение королевы описывается и в вольном переводе статьи-некролога Жан-Поля «В ту минуту, когда ты в белой брачной одежде...» (1818):

<...> В день испытанья, когда появился
Смерти венец на высоком челе, унывающий ангел
 Снова предстал... и одне лишь слезы его вопрошали.
 Голос раздался: *воззри!* Он воззрел — перед ним *Искупитель*.
 (II, 77)

Много лет спустя этими стихами Жуковский закончит одну из важнейших для него статей о религиозно-эстетическом смысле воспоминания («Воспоминание»), буквально сотканную из ранее написанных им (в дневнике, альбоме, письмах и на обложке конволюта, подаренного им великой княгине) отрывков о Луизе и предназначенную для итогового сборника своих философских размышлений (XI, 459–460).

К своеобразной «Луизиаде» Жуковского следует отнести и его перевод «Орлеанской девы», который поэт за-

¹ Это стихотворение Жуковский перевел для нее на немецкий язык и записал в ее альбом.

вершил весной 1821 года.¹ В прусском культурном мифе Луиза воспринималась как символ национального возрождения в период войны за независимость, — немецкая Жанна д'Арк. Поэт-патриот Теодор Кернер, один из любимых авторов принцессы Шарлотты, представлял прусскую королеву спасительницей отечества:

Und wie einst, alle Kräfte zu beleben,
Ein Heil'genbild für den gerechten Krieg
Dem Heeresbanner schützend zugegeben,
Als Oriflamme in die Lüfte stieg:
So soll dein Bild auf unsern Fahnen schweben
Und soll uns führen durch die Nacht zum Sieg!
Luise sei das Losungswort zur Rache!
Luise! sei der Schutzgeist deutscher Sache!²

Аллюзия на шиллеровский монолог Иоанны в «Прологе» трагедии здесь несомненна. Ср. следующие строки Жуковского из его перевода «Пролога», впервые напечатанного в «Для Немногих» для великой княгини:

Когда начнет бледнеть и смелый в брани,
И роковой пробьет отчизне час —
Возьмешь мою ты орифламму в длани
И мощь врагов сорвешь, как жница клас;
Поставишь их надменной власти грани,
Преобратишь во плач победный глас,
Дашь ратным честь, дашь блеск и силу трону
И Карла в Реймс введешь принять корону.

(VII, с. 238)

В финале шиллеровской трагедии, включенном Жуковским в единственную дошедшую до нас рукописную книжку «Лалла Рук» (№ 2), героиня возносится на небеса, где ее встречает дева Мария:

Смотрите, радуга на небесах;
Растворены врата их золотые;

¹ В Берлине Жуковский дважды смотрит трагедию Шиллера (роскошная постановка с декорациями К. Ф. Шинкеля).

² Цит. по: Kluckhohn A. Luise, Königin von Preussen. Berlin, 1876. S. 62. Курсив мой. — И. В.

Средь Ангелов — на персях вечный Сын —
 В божественных лучах стоит Она
 И с милостью ко мне простерла руки;
 О, что со мною?.. Мой тяжелый панцирь
 Стал легкой крылатою одеждой...
 Я в облаках... я мчуся быстротечно...
 Туда... туда... земля ушла из глаз;
 Минута скорбь, блаженство бесконечно.

(VII, 372–373)

Есть основания полагать, что с образом вознесенной на небеса «прусской Мадонны» связана и знаменитая статья Жуковского о «Мадонне» Рафаэля («Рафаэлева Мадонна. Из письма о Дрезденской галерее», 1824), извлеченная им из письма к великой княгине от 23–29 июня 1821 года. Копия Сикстинской Мадонны была предметом особого почитания в прусской королевской семье, где она связывалась с памятью о королеве. В 1804 году Луиза подарила своему мужу эту копию, занявшую с тех пор свое место в Orangerie потсдамского дворца. На обложке альбома принцессы Шарлотты были изображены два ангела из рафаэлевой «Мадонны» (впоследствии эти рафаэлевские ангелы были «перенесены» на саркофаг Жуковского в Александро-Невской лавре). В немецкой романтической поэзии королеву-страдальицу постоянно сопоставляли (а иногда и отождествляли) с образом Мадонны (например, Захарий Вернер (Zacharias Werner), уподобившей ее царице небесной). Немецкие художники и скульпторы традиционно изображали Луизу Прусскую в образе вознесенной на небеса Девы. «Сикстинская Мадонна» Рафаэля считается прототипом для «Апофеоза королевы Луизы» (1810) Фридриха Вильгельма Шадова (Schadow).¹ В статье Жуковского чудесное видение Богоматери, некогда открывшееся художнику, оказывается доступным в момент эстетического откровения созерцателю его картины:

...занавес раздёрнулся, и тайна неба открылась глазам человека. Все происходит на небе; оно кажется пустым и как

¹ Holger S. Die Bildpolitik des preussischen Königshauses im 19. Jahrhundert. Zur Ikonographie der preussischen Königin Luise (1776–1810) // Wallraf-Richartz-Jahrbuch. Köln, 1999. Vol. 60. S. 231–262.

будто туманным, но это не пустота и не туман, а какой-то тихий, неестественный свет, полный ангелами, которых присутствие более чувствуешь, нежели замечаешь: можно сказать, что все, и самый воздух обращается в чистого ангела в присутствии этой небесной, мимоидущей девы. И Рафаэль прекрасно подписал свое имя на картине: внизу ее, с границы земли, один из двух ангелов устремил задумчивые глаза в высоту; важная, глубокая мысль царствует на младенческом лице: не таков ли должен Рафаэль в то время, когда он думал о своей Мадонне: *будь младенцем, будь ангелом на земле, чтобы иметь доступ к тайне небесной!* (XII, 343–344. Курсив мой. — И. В.)¹

Последние слова этого фрагмента, звучащие как *summa summaum* «небесных воспоминаний» матери, которые произносит в час молитвы великая княгиня, — завет адресату письма и себе самому. В созданном Жуковским в начале 1820-х годов романтическом мифе образ королевы-страдальницы становится медиатором, связывающим земную жизнь с небесной и самого поэта и его «милых спутников» с прусской королевской семьей и ее романтической легендой.

И в дальнейшем этот образ останется одним из важнейших «спутников» поэта. По свидетельству И. В. Киреевского, в комнате поэта в Зимнем дворце напротив зеркала находился бюст «Луизы спящей» (фрагмент ее берлинского надгробия и копия с мраморного бюста, хранившегося в «пунцовом» кабинете Александры Федоровны, получившем название «моленной Государыни Императрицы»)².

* * *

Подведем итоги. Как мы видели, прусский национальный миф о королеве Луизе оказался источником и фоном для поэтической религии Жуковского, строившейся вокруг

¹ В этой статье Жуковский упоминает «бедного Миллера», трудившегося над копией рафаэлевой Мадонны и потерявшего рассудок. По легенде, Фридриху Мюллеру Мадонна являлась в образе королевы Луизы (*Hagen A. Die Deutsche Kunst in Unterem Gahrhundert. Berlin, 1857. S. 94.*)

² *Мисайлиди Л. Е.* Статья В. А. Жуковского «Воспоминание». С. 98; *Пашкова Л. Т.* Два кабинета жены Николая I в Зимнем дворце: О семантике памятных вещей в эпоху историзма // В тени «Больших стилей»: Материалы VIII Царскосельской научной конференции. СПб., 2002. С. 135–139.

образа его очаровательной набожной ученицы (теология воспоминания, «философия Лалла Рук»). В этом контексте «небесные воспоминания» матери, собранные в «молитвенник» великой княгини, стали для Жуковского тайным (заветным) ключом к «сердцу» прусской романтической традиции, которую он соединил с поэтическим культом родной, бунинской, семьи, сформировавшимся к тому времени, когда он стал учителем прусской принцессы.¹ Прусский придворный романтический миф дал Жуковскому недостающий его семейной утопии и поэтической мифологии центральный образ небесной Матери — страдальницы и заступницы, интерпретируемый поэтом как воплощение идеальной красоты, любви, справедливости, добродетели и надежды.

И последнее. Историки литературы обычно выделяют национальные версии романтизма, выражающие себя на том или ином языке (английский, русский, польский, чешский и проч. романтизмы). Иностранные модели, которые используют конкретные авторы, традиционно считаются заимствованиями или образцами для создания национальной, моноязычной модификации. Нам представляется резонным и плодотворным подход к романтической поэзии и поэтике Жуковского конца 1810-х — начала 1820-х годов как к двуязычной и двукультурной (пруско-русской), иконически отраженной в его германо-русском альманахе и двуязычных альбомах и дневниках, предназначенных для чтения немногих посвященных.² Результатом этого эксперимента стало

¹ См.: *Веселовский А. Н.* В. А. Жуковский: Поэзия чувства и «сердечного воображения». С. 201–205; *Лебедева О. Б.* Переписка А. П. Елагиной и В. А. Жуковского как памятник русской культуры первой половины XIX века // Переписка В. А. Жуковского и А. П. Елагиной: 1813–1852. М., 2009. С. 633–665; *Киселева Л. Н.* 1) Окружение Жуковского: Домашняя литература // *Memento vivere*. С. 55–69; 2) Проблема комментирования эпистолярия (На примере переписки Жуковского и его племянниц) // Пушкинские чтения в Тарту. Тарту, 2007. [Вып.] 4: Пушкинская эпоха: Проблемы рефлексии и комментария. С. 256–269; *Фрайман Т.* Творческая стратегия и поэтика Жуковского (1800-е — начало 1820-х годов). Тарту, 2002.

² Роль французского языка, часто используемого в этих документах, не является идеологической.

создание первой в истории русской литературы стройной и функциональной (обращенной в быт) эстетической системы — транснациональной версии европейского романтизма, которую мы — не без некоторой доли иронии — назовем по именам двух «породненных» в воображении Жуковского семейств *бунинско-гогенцоллернской*.

Разумеется, утопическое соединение двух языковых культур, находившихся на разном уровне литературного развития, и двух отдаленных и социально неравных семей в некое смысловое, эмоциональное и духовное единство (своего рода поэтический орден или секту) было обречено на провал. Друзья-поэты (Вяземский, Пушкин, Батюшков) не приняли приглашения Жуковского к придворному германскому «столу». Дерптские родственницы, не оставлявшие желания вернуть своего «брата» в родную бунинскую семью, чувствовали — и не без основания — нечто вроде ревности к его придворной деятельности.¹ Наконец, в самом «малом кругу» великой княгини Жуковский не чувствовал себя до конца своим. Так, в мае 1818 года поэту пророчески указали — причем с помощью его же собственной формулы! — на границу между ним и настоящими «немногими». В связи с крестинами сына Александры Федоровны Александра Николаевича великий князь Николай получил «прекрасное письмо» от императора. Жуковский — в соответствии с лелеемым им ритуалом «совместного чтения» — спросил, можно ли его прочитать. Великий князь ответил, что «оно не для всех». Адъютант Николая Павловича и друг Жуковского, Перовский игриво предположил, что «по крайней мере письмо *для немногих*». Николай «посмотрел на Жуковского, улыбнулся и переменял речь».²

¹ «Двор malgré tout (еще раз) не может тебя привязать навсегда, — писала поэту 27 августа 1819 года М. А. Протасова. — Там тебя ценить не умеют, твоя прелестная жизнь теряется. Здесь ты будешь с людьми, которые знают, *что ты*: тебя все обожает, ни один не завидует. Правда, что название учителя принцессы гораздо wohlklingender звания профессора, но ты возвысишь университет. Господи! Господи! чего нам останется желать на сем свете» (Уткинский сборник: Письма В. А. Жуковского, М. А. Мойер и Е. А. Протасовой. М., 1904. С. 232).

² Письма Александра Тургенева Булгаковым. М., 1939. С. 9.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Библиотека В. А. Жуковского: Описание / Сост. В. В. Лобанов. Томск, 1981.
2. *Веселовский А. Н.* В. А. Жуковский: Поэзия чувства и «сердечного воображения». СПб., 1904.
3. *Винуцкий И. Ю.* Дом толкователя: Поэтическая семантика и историческое воображение В. А. Жуковского. М., 2006.
4. *Долгушин Д. В.* Миф о королеве Луизе в творчестве В. А. Жуковского // Сюжетология и сюжетография. 2014. № 2. С. 108–114.
5. *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 1999–...
6. *Киселева Л. Н.* Окружение Жуковского: Домашняя литература // Memento vivere: Сб. памяти Л. Н. Ивановой. СПб., 2009. С. 55–69.
7. *Киселева Л. Н.* Проблема комментирования эпистолярия (На примере переписки Жуковского и его племянниц) // Пушкинские чтения в Тарту. Тарту, 2007. [Вып.] 4: Пушкинская эпоха: Проблемы рефлексии и комментария. С. 256–269.
8. *Лебедева О. Б.* Переписка А. П. Елагиной и В. А. Жуковского как памятник русской культуры первой половины XIX века // Переписка В. А. Жуковского и А. П. Елагиной: 1813–1852. М., 2009. С. 633–665.
9. *Лямина Е. Э., Самовер Н. В.* Жуковский и великая княгиня Александра Федоровна: К вопросу о конструировании образа // Пермяковский сборник. М., 2010. Ч. 2. С. 144–158.
10. *Лямина Е. Э., Самовер Н. В.* Религиозное в эпоху поэтических манифестов: «Теснятся все к тебе во храм...» В. А. Жуковского // Пушкинские чтения в Тарту. Тарту, 2004. [Вып.] 3: Материалы Международной научной конференции, посвященной 220-летию В. А. Жуковского и 200-летию Ф. И. Тютчева. С. 99–111.
11. *Мисайлиди Л. Е.* Статья В. А. Жуковского «Воспоминание» (К истории создания) // Memento vivere: Сб. памяти Л. Н. Ивановой. СПб., 2009. С. 95–104.
12. Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1902 г. СПб., 1910.
13. *Пахомова-Герес В.* Король и поэт: Фридрих Вильгельм IV и В. А. Жуковский. Забытая история одной дружбы: Биография отдельного лица // Немцы в России: Российско-немецкий диалог. СПб., 2001. С. 241–257.
14. *Пашкова Л. Т.* Два кабинета жены Николая I в Зимнем дворце: О семантике памятных вещей в эпоху историзма // В тени «Больших стилей»: Материалы VIII Царскосельской научной конференции. СПб., 2002. С. 135–139.
15. Письма Александра Тургенева Булгаковым. М., 1939.

16. Реморова Н. Б. «Сид» Гердера в переводе Жуковского. Неизвестный автограф / В. А. Жуковский и западноевропейская литература // Библиотека В. А. Жуковского в Томске. Томск, 1978. Ч. 1. С. 209–260.
17. Смирнов-Сокольский Н. П. Рассказы о книгах. М., 1977.
18. Трубановская М. В. Автограф В. А. Жуковского на книге из библиотеки императрицы Александры Федоровны // Жуковский: Исследования и материалы: Сб. научных трудов. Томск, 2017. Вып. 3. С. 468–483.
19. Уткинский сборник: Письма В. А. Жуковского, М. А. Мойер и Е. А. Протасовой. М., 1904.
20. Фрайман Т. Творческая стратегия и поэтика Жуковского (1800-е — начало 1820-х годов). Тарту, 2002.
21. Aus dem Briefwechsel König Friedrich Wilhelms III. mit dem Erzbischof Borowski 1810 ff. Mitgeteilt von Univers. Professor D. Karl Benrath // Altpreussische Monatsschrift. 1907. Bd. 44 S. 438–478.
22. Baillet P. Aus einem Stammbuch der Königin Luise // Forschungen zur brandenburgischen und preussischen Geschichte. 1895. Bd VIII. S. 251–253.
23. Berg C F. von. Die Königin Luise. Berlin, 1814.
24. Bigelow P. History of the German Struggle for Liberty: In 2 Vol. New York, 1896. Vol. 1: 1806–1812.
25. Demand Ph. Luisenkult: die Unsterblichkeit der Königin von Preussen. Wien, 2003.
26. Hagen A. Die Deutsche Runst in Unferemm Gahrhundert. Berlin, 1857.
27. Holger S. Die Bildpolitik des preussischen Koenigshauses im 19. Jahrhundert. Zur Ikonographie der preussischen Königin Luise (1776–1810) // Wallraf–Richartz–Jahrbuch. Köln, 1999. Vol. 60. S. 231–262.
28. Kluckhohn A. Luise, Königin von Preussen. Berlin, 1876.
29. Königin Luise von Preussen. Briefe und Aufzeichnungen 1786–1810. München, 1985.
30. Scheffner J. G. Mein Leben, wie ich, Johann George Scheffner es selbst beschrieben. Leipzig: J. G. Neubert, gedruckt 1816 und ausgegeben 1823.
31. Vinitsky I. Vasily Zhukovsky's Romanticism and the Emotional History of Russia. Evanston: Northwestern University Press, 2015.
32. Wuelfing W., Bruns K., Parr R. Historische Mythologie der Deutschen. München, 1991.